

ОТДѢЛЪ НЕОФФИЦІАЛЬНЫЙ.

Бесѣды съ руководителемъ Спасовцевъ Назаромъ Шаровымъ.

Ни о чемъ такъ охотно не бесѣдуютъ старообрядцы, какъ о ересяхъ, содержимыхъ будто-бы православной церковію; по большей части они сами и поставляютъ этотъ вопросъ для собесѣдованій. Если вы докажете, что церковь ваша не содержитъ никакихъ ересей, говорятъ они миссіонеру, тогда уже излишне ставить вопросъ о вѣчности церкви съ ея іерархіей и таинствами: тогда всѣ старообрядцы, къ какому-бы согласію они не принадлежали, являлись бы дѣйствительно раскольниками, непокорниками, какъ отдѣлившіеся отъ церкви православной, —неимущей ересей.

Въ нѣкоторыхъ раскольническихъ пунктахъ епархіи этотъ вопросъ и служилъ предметомъ собесѣдованій со старообрядцами. Такъ, въ началѣ нынѣшняго года онъ разсматривался въ с. Б. Бакурѣ, Сердобскаго уѣзда. Бесѣда велась съ начетчикомъ Шаровымъ, пользующимся славой опытнаго руководителя не однихъ только мѣстныхъ старообрядцевъ.

Судя по той охотѣ, съ какой вызываются старообрядцы бесѣдовать о ересяхъ, содержимыхъ будто-бы православной церковію, можно было-бы предполагать, что въ этомъ вопросѣ они окажутся болѣе стойкими, чѣмъ во всякомъ другомъ. Но въ дѣйствительности этого не оказывается. Вотъ тотъ путь, которымъ шелъ Шаровъ въ своихъ обвиненіяхъ противъ церкви.

Какъ и слѣдовало ожидать, Шаровъ началъ съ того, что рѣшительно отказался признать за правильное то поня-

тіе объ ереси, какое обыкновенно дается св. отцами и учителями церкви, и понятно почему. Отцы и учителя церкви понимают ересь, какъ намѣренное, суемудрое извращеніе догматовъ вѣры, христіанскаго вѣроученія. Ясно, что такое понятіе не давало Шарову никакой возможности обвинить церковь въ содержаніи ею ересей, ибо, какъ онъ хорошо знаетъ, такихъ ересей церковь не содержитъ и содержать не можетъ. Оставалось одно изъ двухъ: или признать, что церковь свободна отъ нихъ, а то, что старообрядцы считаютъ за ереси, — не ереси, или попытаться въ желательномъ смыслѣ пзмѣнить понятіе о ереси. Разумѣется, Шаровъ выѣираетъ послѣднее. Онъ произвольно расширяетъ понятіе о ереси, — признаетъ ересью не только суемудрое извращеніе хр. вѣроученія, какъ оно выражено вселенской церковію, но и простыя перемѣны, пзмѣненія въ обрядахъ и обычаяхъ церковныхъ, но вмѣняетъ въ ересь церкви однакоже только тѣ изъ нихъ, которыя были произведены въ чинахъ и обрядахъ при Никонѣ, какъ и послѣ него.

Но какъ ни старался Шаровъ, какіе ни употреблялъ усилія и извороты, чтобы отстоять эту свою мысль, отстоять ее, конечно, онъ не могъ. Послѣ того, какъ было выяснено и доказано, что мысль Шарова противна разуму церкви, что тѣ, кто отрицалъ право церкви пзмѣнять чины, обряды и обычай, осуждались, какъ еретики, и подлежали анаѣемѣ, что если въ пзмѣненіи обрядовъ видѣть ересь, какъ это дѣлаетъ Шаровъ, то должно будетъ признать, что церковь стала еретической не съ Никона только, а гораздо раньше, именно со временъ апостольскихъ, Шаровъ оставляетъ ее, но, конечно, не вдругъ. Советѣмъ оставить эту мысль, значило бы сразу сдѣлать уже слишкомъ большую уступку; болѣе того, почти признать, что церковь не содержитъ никакихъ ересей. Поэтому Шаровъ пытается счастье еще на частномъ вопросѣ — о перестосложеніи.

Зная, что народъ выдѣляетъ двуперстіе изъ ряда обрядовъ, придаетъ ему особенную важность, значеніе неизмѣннаго догмата, онъ и выдвигаетъ его; употребляетъ все свое искусство, чтобы обосновать мысль о неизмѣнности его и внушить слушателямъ, что церковь стала еретической за замѣну двуперстія троеперстіемъ. Когда и это не удалось, Шаровъ вынужденъ былъ найти и указать иную «ересь». Таковую онъ выставилъ порицанія и клятвы Макарія Антиох. и соборовъ 1656 и 1667 г., изнесенныя будтобы на старые обряды и, главнымъ образомъ, на двуперстіе. Теперь, по словамъ Шарова, выходило, что ересь, содержащая церковь, состояла не въ замѣнѣ ею двуперстія троеперстіемъ, какъ онъ только что утверждалъ, а въ порицаніяхъ и клятвахъ на двуперстіе. Клятвы Макарія и соборовъ 1656 и 1667 г. до сихъ поръ служатъ однимъ изъ главныхъ основаній для хуленій на церковь со стороны раскольниковъ: церковь въ лицѣ своихъ архипастырей изнесла проклятіе на крестное знаменіе, „на знаменіе Спасителя нашего“, похулила орудіе нашего спасенія, отреклась отъ него и чрезъ то сама стала проклятою и еретическою, внушаютъ они народу и сильно смущаютъ народъ. Истолковать клятвы въ сказанномъ смыслѣ и смутить слушателей рассчитывалъ и Шаровъ. Разъ это будетъ достигнуто, народъ уже не придастъ никакого значенія никакимъ разъясненіямъ миссіонера, и онъ, Шаровъ, въ глазахъ народа останется побѣдителемъ. Но Шарову не удалось достигнуть и этого. Разъясненія того, что если-бы клятвы и дѣйствительно были положены на самое двуперстіе, какъ несправедливо утверждаетъ Шаровъ, если бы были изнесены безъ достаточнаго повода и основанія или по страсти, но изнесены архіереями, не искажавшими тѣхъ догматическихъ истинъ, для выраженія которыхъ оно служить, не составляютъ ереси, изрекшихъ ихъ не дѣлаютъ еретиками, — эти разъясненія были такъ хорошо поняты слушателями, что Шаровъ вынужденъ былъ еще разъ

выдумать пную ересь, въ которой можно было-бы обвинить церковь. Онъ и выдумалъ ее. — Не безъ новаго противорѣчія самому себѣ Шаровъ заявилъ, что онъ не клятвы сами по себѣ считаетъ ересью и не ихъ вмѣняетъ въ ересь церкви, но то, что она, заповѣдавъ съ клятвою принимать и неизмѣнно содержать новые обряды, а въ особенности троеперстіе, тѣмъ самымъ простыя обряды возвела на степень неизмѣнныхъ догматовъ и, такимъ образомъ, къ вѣрѣ евангельской, къ вѣрѣ апостольской приложила новый членъ вѣры.

Такимъ образомъ, Шаровъ выдвинулъ въ концѣ концовъ то самое обвиненіе, которое тяготѣетъ надъ старообрядцами и которое съ того самаго времени, какъ сталъ существовать расколъ, церковь не перестаетъ поставлять имъ на видъ. Та легкость и непринужденность, съ которыми, не обращая вниманія на противорѣчія и непослѣдовательность, переходилъ Шаровъ отъ одной мнимой ереси къ другой, уже сами по себѣ служили яснымъ доказательствомъ того, что онъ не можетъ указать ни одной ереси за церковию, что своимъ обвиненіемъ и самъ онъ не придаетъ серьезнаго значенія и цѣны и дѣйствуетъ просто на удачу: слабымъ окажется одно, явится на выручку другое. Но особенно ясно удостовѣряло слушателей въ этомъ его послѣднее обвиненіе. Имъ, какъ это было выяснено, Шаровъ сошелъ, какъ говорится, прямо на нѣтъ; болѣе того, обличилъ и осудилъ всѣхъ старообрядцевъ, какъ раскольниковъ.

Теперь перейдемъ къ тѣмъ доводамъ Шарова, которыми онъ рассчитывалъ подтвердить, что каждая изъ указанныхъ имъ ересей дѣйствительно ересь и что ее содержитъ церковь.

Бесѣда съ Шаровымъ, какъ упомянуто, началась съ установленія понятія о ереси. Понятіе о ереси на основаніи ученія свв. отцовъ было дано такое: ересь есть намѣренное извращеніе христіанскаго вѣроученія, хр. догматовъ вѣры. Такое понятіе о ереси даетъ Св. Василій Вел. Онъ говорить: „древніе иное нарекли ересью, иное расколомъ, иное

самочиннымъ сборищемъ. Еретиками назвали они совершенно отторгшихся и въ самой вѣрѣ отчуждившихся“. Аристинъ, въ толкованіи на эти слова, говоритъ, что еретики суть тѣ, которые совершенно отчуждили себя отъ вѣры въ Бога; и далѣе разъясняетъ, что это отчужденіе состоитъ въ извращеніи христіанскаго вѣроученія (Прав. свв. отецъ съ толков., прав. Вас. Вел. 1-е, стр. 148—149, 157, см. Кормч. л. 224). Такое же понятіе о ереси даетъ и Зонара въ своемъ толкованіи на 33 пр. Лаодикійскаго собора. „Еретиками, говоритъ онъ, называются тѣ, которые погрѣшаютъ въ вѣрѣ“ (Прав. Св. пом. соборовъ, стр. 244, см. Кормч., толков. на 33 пр. Лаод. соб., л. 79). А вѣра имѣетъ своимъ предметомъ не чины и обряды—не видимое, а невидимое и прежде всего Бога, Его свойства, дѣйствія. „Вѣра, говоритъ апостолъ Павелъ, есть уповаемыхъ извѣщеніе, вещей обличеніе невидимыхъ“ (Евр. 11; 1); и въ другомъ мѣстѣ: „упованіемъ бо спасохомся, упованіе же видимое, нѣсть упованіе: еже бо видитъ кто, что и уповаетъ“ (Рим. 8, 24—25; Бесѣд. Златоуста на 14 посл. ап. Павла стр. 967). Такъ понимаетъ вѣру и на основаніи тѣхъ же словъ ап. Павла къ Евр. и уважаемая старообрядцами книга М. Катихизисъ. На вопросъ: „что есть вѣра“, въ ней дается такой отвѣтъ: „вѣра есть, якоже глаголетъ Божественный ап. Павелъ“: уповаемымъ извѣщеніе, вещамъ невидимымъ обличеніе: пли сице: вѣра есть крѣпкое и твердое разумѣніе съ дерзновеніемъ въ сердцѣ о Бозѣ и о вещехъ спасеныхъ, ихъ же невидимо сердцемъ видимъ и усты исповѣдуемъ по реченному: сердцемъ убо вѣруется въ правду, усты же исповѣдуются во спасеніе“ (2 л., 2-го счета). Послѣ этого разъясненія Шарову былъ предложенъ вопросъ, признаетъ ли онъ правильнымъ данное понятіе о ереси; если признаетъ, то пусть укажетъ, какіе догматы вѣры извратила церковь. Съ даннымъ понятіемъ о ереси Шаровъ не согласился. То понятіе о ереси, какое далъ миссіонеръ, сказалъ Шаровъ, не

полное, одностороннее, невѣрное. Онъ признаеть еретиками только тѣхъ, кто намѣренно искажаетъ догматы вѣры, а между тѣмъ мы видимъ, что церковь признавала еретиками и тѣхъ, кто, не погрѣшая въ догматахъ вѣры, нарушалъ какія бы то ни было обрядовыя установленія церковныя. Четырнадцатники, Новатіане, Донатіане искажали не догматы вѣры. „Четырнадцатникъ же *ересь* сія есть, ея же ради и четырнадцатницы нарицаются: въ четвертый бо надесять луны, егда полна будетъ, и еще прилучится день той въ понедѣльникъ, или во вторникъ, или въ среду, тогда тѣи и Спаса нашего празднують воскресеніе“. (Лаод. пр. 7-е, л. 73 об.). Но развѣ время празднованія пасхи есть догматъ вѣры? Совсѣмъ нѣтъ. Извѣстно, что до I Всел. собора помѣстныя церкви праздновали пасху неодновременно. Далѣе, Новатіане, какъ видно изъ 8 пр. I Всел. Соб. и особенно изъ толкованія на него, не хотѣли имѣть общенія съ двоеженцами и не принимали кающихся изъ падшихъ (Кормч. л. 35). Но развѣ не имѣть общенія съ двоеженцами и не принимать кающихся изъ падшихъ есть извращеніе догмата вѣры? Нѣтъ. Въ полныхъ правилахъ Зонара въ своемъ толкованіи на это правило прямо говоритъ о Новатіанахъ, что они „погрѣшали не въ отношеніи къ вѣрѣ“, (ниже) что „погрѣшали не уклоненіемъ отъ вѣры“. (Прав. свв. Всел. соб. съ толк., стр. 32). Наконецъ, „Донатіане, какъ видно изъ 47 пр. Карѣ. Соб., еретицы суть „отъ Доната нѣкоего во африкѣйствѣй странѣ начало ереси приѣмше. Сей бо Донатъ предалъ имъ, кость нѣбаку на рудѣ ихъ держати, егда хотятъ причаститися Святыхъ даровъ и ту кость прежде цѣловати повелѣ, и потомъ причащатися имъ“. (Кормч., л. 135 об. и 136). Но развѣ обычай — „кость нѣбаку на рудѣ держати и цѣловати ее предъ причащеніемъ Св. даровъ есть извращеніе какого догмата вѣры? Очевидно нѣтъ. Итакъ и четырнадцатники, и новатіане, и донатисты догматовъ вѣры не искажали, а между тѣмъ и тѣ, и другіе, и третьи

прямо называются еретиками, причисляются къ одному ряду съ аріанами, савелліанами, монтанистами, кореннымъ образомъ извращавшими ученіе о Богѣ, или, какъ говоритъ миссіонеръ, вѣру въ невидимое, и подводятся подъ одинъ съ ними чинопріемъ. (Кормч. 634 об.). Мало того, нарушеніе, измѣненіе даже такихъ обрядовыхъ установленій или обычаевъ церковныхъ, какъ извѣстные порядки при трапезахъ у Коринѳянъ, апостолъ называетъ ересями; „подобаетъ бо и ересемъ быти въ васъ“, говоритъ онъ, а Златоустъ объясняетъ: „ереси здѣ глаголюй не сія, яже догматы, но яже распрія спхъ“. (Бесѣд. на 14 посл. стр. 863, Сн. Толк. Ап., л. 534 об.), чѣмъ прямо и утверждаетъ, что не только извращеніе вѣроученія есть ересь—это уже само собой разумѣется,—но и нарушеніе или признаніе и такихъ, повидимому, маловажныхъ обычаевъ церковныхъ есть также ересь. Свв. отцы, продолжалъ развивать и обосновывать свою мысль Шаровъ, поучая, что обряды и обычаи церковные такъ же неприкосновенны и неизмѣнны, какъ и догматы вѣры, предостерегаютъ отъ измѣненія первыхъ съ такой же строгостью, какъ и отъ извращенія послѣднихъ. Св. Златоустъ въ толкованіи на слова апостола—*тѣмъ же убо, братіе стойте и держите преданія*, говоритъ: „отсюда явлено, яко не вся посланіемъ предаша, но многая и безъ писанія: равнѣ же и она, и сія достовѣрная суть. Тѣмъ же и преданіе церковное достовѣрно быти вмѣняймо“ и затѣмъ прибавляетъ: „преданіе есть ничто же вящше ищи“ (Бесѣд. на 14 посл. ап. Павла стр. 2344). И за отпѣну или измѣненіе обрядовыхъ установленій и обычаевъ церковныхъ они подвергали такому же осужденію и наказанію, какъ и за извращеніе догматовъ вѣры. „Кто отвергаетъ всякое писанное и неписанное преданіе анаѳема“, изрекаютъ отцы VII Всл. соб. (Дѣян. VII Всл. соб., стр. 616); и въ другомъ мѣстѣ: „кто унижаетъ какое либо преданіе церковное, писанное ли то, или не писанное—анаѳема“ (Тамъ же стр.

612). А Св. Василий Великій объясняетъ и то, почему церковь считала и считаетъ обряды и обычаи церковные неизмѣнными, какъ и догматы, а вмѣстѣ съ тѣмъ и то, почему такъ строго ограждала ихъ отъ измѣненія. Въ 91-мъ правилѣ своемъ онъ говоритъ: аще предиріимемъ отвергати неписанные обычаи, аки не великую имѣющіе силу: то непримѣтно повредимъ Евангелію въ главныххъ предметахъ, или паче сократимъ проповѣдь въ единое имя безъ самыя вещи“ (правил. свв. оо. съ толк., стр. 427—428). Видимо придавая рѣшающее значеніе приведеннымъ словамъ св. отца, Шаровъ особенно долго останавливался на нихъ и подробно, почти каждое слово, толковалъ, какъ подтверждающее его мысль, и въ заключеніе сказалъ: изъ приведенныхъ свидѣтельствъ, а особенно изъ словъ св. Василия Вел. для всякаго должно быть очевидно, что ересь состоитъ не только въ искаженіи догматовъ вѣры, какъ утверждалъ миссіонеръ, но и въ измѣненіи и обрядовъ; еретики не только тотъ, кто произвольно извращаетъ вѣру, но также и тотъ, кто намѣренно измѣняетъ чины, обряды и обычаи церковные. Теперь припомните, добрые слушатели, сколько измѣненій произведено было при Никонѣ, какъ и послѣ него, въ чинахъ и обрядахъ церковныхъ (Шаровъ указалъ многіе изъ нихъ), и вы поймете, что церковь, именующая себя православною, погрязаетъ въ ересяхъ; миссіонеръ и самъ это хорошо знаетъ, потому и даетъ не полное, одностороннее понятіе о ереси.

Миссіонеръ. Вы сами видите, сколько усилій потратилъ Шаровъ, чтобы доказать, что обряды и обычаи церковные такъ-же неизмѣнны, какъ и догматы, что измѣненія обрядовъ и обычаевъ церковныхъ—такая же ересь, какъ и суетное извращеніе хр. вѣроученія. Но, какъ вы сейчасъ увидите, въ этомъ онъ рѣшительно не успѣлъ. Въ подтвержденіе своей мысли Шаровъ привелъ слѣдующія доказательства. а) Примѣръ Четырнадцатниковъ, Новатіанъ и

Донатистовъ. И тѣхъ и другихъ и третьихъ церковь, по его словамъ, признала еретиками и осудила за измѣненія въ обрядахъ и обычаяхъ церковныхъ и отсюда заключаетъ, что измѣненія обрядовъ и обычаевъ она считала за ересь. Ни то, ни другое невѣрно. Ни Четыренадсятники, ни Новатиане, ни Донатисты никакихъ измѣненій въ обрядахъ и обычаяхъ церковныхъ не допускали. Тѣ обычаи, изъ-за которыхъ Четыренадсятники, Новатиане, Донатисты стали еретиками, когда-то содержались нѣкоторыми помѣстными православными церквами. Такъ, обычай праздновать пасху въ 14-е число перваго весенняго луннаго мѣсяца (нисана), въ какой-бы день недѣли оно ни случилось, за который стояли четыренадсятники, содержали церкви Малоазійскія и содержали, какъ обычай древнѣй, преданный имъ апостолами— св. Иоанномъ Богословомъ и Филиппомъ (этотъ обычай, какъ извѣстно, защищалъ, какъ таковой, св. Поликарпъ Смирнскій) (Барон., лѣт. Госп. 198, стр. 120 и об., Церк. ист. Евсев. кн. 5, гл. 24). Тотъ строгій взглядъ на падшихъ во время гоненій, по которому требовали совершеннаго исключенія ихъ изъ церкви и которымъ не хотѣли поступиться Новатиане и Донатисты ¹⁾ былъ обыченъ въ церкви Карфагенской; этого взгляда держался, имъ руководился, какъ извѣстно, св. Киприанъ. Изъ сказаннаго видно, что четыренадсятники, новатиане, донатисты никакихъ перемѣнъ въ обрядахъ и обычаяхъ церковныхъ не допускали, напротивъ, и тѣ, и другіе, и третьи были упорными приверженцами старины, ревнителями старыхъ обычаевъ, старыхъ взглядовъ. И совершенно не вѣрно то, что они осуждены были церковію, какъ еретики, за перемѣну въ обрядахъ. Причп-

¹⁾ Что и Донатисты ратовали за этотъ же взглядъ, это видно изъ 80 пр. Карф. соб. (Прав. пом. соб. съ толк., стр. 592—593); на то же указываетъ и обычай ихъ цѣловать предъ причащеніемъ кость какого-л. мученика, что означало, что не только не слѣдуетъ избѣгать во время гоненій мученій за вѣру, но должно искать ихъ и мужественно переносить. Понятно отсюда, какъ относились они къ падшимъ.

на ихъ осужденія совершенно другая — противоположная. Церковь осудила ихъ, какъ еретиковъ, не за то, что они сами измѣнили обряды и обычаи церковные, а за то, что отрицали право церкви измѣнять обряды и обычаи. Когда церковь почуввавшейся надобности обычаи малоазійскихъ церквей — праздновать пасху въ 14 день перваго весенняго мѣсяца, — замѣнила другимъ, а суровый взглядъ на надшихъ признала неправильнымъ и исправила и эти свои установленія узаконила, а означенные сектанты рѣшительно отказались принять ихъ и, точь-въ-точь какъ наши старообрядцы, предпочли лучше оставаться при этихъ старыхъ обычаяхъ, чѣмъ подчиниться церкви и быть въ единеніи съ нею. Вотъ за что церковь осудила ихъ и объявила еретиками. И вполне справедливо и основательно. Рѣшительно отказавшись принять новыя установленія церкви вмѣсто старыхъ обычаевъ, которые доселѣ содержали, означенные сектанты тѣмъ самымъ заявляли, что послѣднимъ придаютъ догматическое значеніе и не признаютъ права за церковь измѣнять ихъ, а это и значило прямо еретичествовать (Макарій, догм. Богос., т. II, стр. 202, изд. 4-е; кн. Кирилл., лл. 426 об., 378.) Судите теперь сами, кого обвиняютъ приведенныя Шаровымъ мѣста Кормчей: правосл. церковь или старообрядцевъ.

б) Слова Златоуста: „и ереси здѣ глаголюй не сія, яже догмать, но яже распря сихъ“, сказанныя имъ въ объясненіе словъ Апостола: „подобаетъ бо и ересемъ въ васъ быти“. Не трудно видѣть, что слова Златоуста приведены Шаровымъ просто изъ-за одного слова „ереси“. Имѣя въ виду слабое разумѣніе слушателями слова Божія, Шаровъ надѣется, что они приведенныя имъ слова будутъ понимать такъ, какъ онъ пожелаетъ. А онъ на этотъ разъ желаетъ понимать ихъ такъ. Если апостоль и Златоустъ нарушеніе такихъ, повидимому, маловажныхъ установленій церковныхъ, какъ порядки при общихъ трапезахъ у коринтянъ,

называютъ ересями, то тѣмъ болѣе слѣдуетъ признать ересями тѣ измѣненія въ чинахъ обрядахъ и обычаяхъ церковныхъ, какія были допущены при Никонѣ.

Но ни слова Апостола, ни слова Златоуста такъ понимать нельзя. Разъясненіе этого не требуетъ многихъ словъ; достаточно будетъ спросить Шарова: если Апостоль и Златоустъ нарушенія сказанныхъ порядковъ при трапезахъ у Коринтянъ, вмѣняютъ въ ересь, а виновныхъ въ этихъ нарушеніяхъ считаютъ еретиками въ собственномъ смыслѣ, то отсѣкала ли ихъ церковь отъ церковнаго общенія, какъ именovala и какимъ чиномъ принимала? Напередъ скажемъ, что на эти вопросы у Шарова нѣтъ отвѣта: самъ Златоустъ разъясняетъ, что апостоль называлъ безпорядки у Коринтянъ ересями не въ собственномъ смыслѣ, что такимъ выраженіемъ онъ хотѣлъ лишь сильнѣе подѣйствовать на нихъ, а если бы разумѣлъ догматическія ереси, то не говорилъ бы съ ними такъ кротко“ (Бесѣд. Златоуст. на 1 Кор. ч. II, стр. 89 въ русск. перев.). Такъ же разсуждаетъ объ этомъ и уважаемая старообрядцами кн. „Альфа и омега“. Въ этихъ ересяхъ, говоритъ она, и „вѣрніи поувязли“ (гл. 23, стр. 181). Ясно, что эти ереси не влекли за собой отлученія отъ церкви, не лишали православія.

Слова того-же Златоуста: «преданіе есть, ничтоже вящше ищи» (Бесѣда на 14 ап. Павла стр. 2343), какъ и слова апостола—*тѣмъ же убо братіе стойте и держите преданія*, въ объясненіе которыхъ они сказаны. Но, если вмѣстѣ съ Шаровымъ и принимать, что подъ преданіемъ и Апостоль, и св. Отець разумѣють не одно богооткровенное ученіе, но также и обрядовыя установленія, то они будутъ содержать въ себѣ предостереженіе отъ совершеннаго пренебреженія, или отверженія ихъ и ни единаго намека на то, что церковь не имѣетъ права признать обряды, когда то найдетъ нужнымъ или необходимымъ. Если бы слова Златоуста содержали въ себѣ ту именно мысль, какую жела-

тельно усмотрѣть въ нихъ Шарову, то они находились бы въ противорѣчій съ дѣйствіями этого святителя. Онъ, какъ извѣстно, измѣнилъ чинъ литургіи, утреннее и вечернее Богослуженіе. Но такого противорѣчія допустить невозможно и никто никогда его не допускалъ.

г) Изреченія VII. Всл. соб.: «кто отвергаетъ всякое писанное или не писанное преданіе»... «Кто унижаетъ какое либо преданіе церковное-анаѳема». Но и эти слова рѣшительно не содержатъ мысли о неизмѣнности обрядовъ, какую ищетъ въ нихъ Шаровъ. Эти слова направлены были противъ иконоборцевъ, отвергавшихъ догматъ объ иконопочитаніи, обоснованный между прочимъ и на данныхъ свящ. преданія и, какъ видно изъ прямого и яснаго смысла ихъ — «кто отвергаетъ..., кто унижаетъ всякое преданіе...», не допускаютъ совершеннаго отверженія преданій во всей ихъ совокупности, но въ этомъ церковь и не повинна.

д) Слова Василия Великаго изъ 91-го его правила: «аще предпримемъ отвергати неписанные обычаи, аки невеликую имѣющіе силу, то непримѣтно повредимъ Евангелію въ главныхъ предметахъ, или паче сократимъ проповѣдь въ единое имя безъ самыхъ вещи» (пр. Св. оо. съ толков., стр. 427—428). Этими словами Шаровъ болѣе всего и рассчитывалъ подкрѣпить свою мысль о неизмѣнности обрядовъ и обычаевъ церковныхъ, потому то такъ долго и останавливался на нихъ. Но приведенныя слова этой мысли не содержатъ: Шаровъ не понялъ ихъ. Мысль, содержащаяся въ словахъ Василия Великаго, такова. Въ основѣ cadaго изъ обрядовъ и обычаевъ церковныхъ лежитъ всегда какая либо догматическая мысль, вѣчная евангельская истина, для выраженія которой онъ установленъ и служить. Если христіанинъ принимаетъ и исповѣдуетъ эту истину, то вмѣстѣ съ тѣмъ онъ необходимо долженъ принимать и тотъ обрядъ, который въ данное время принятъ церковію для выраженія ея. Василій Великій не допускаетъ совершеннаго отверженія, совершенной отмѣны

обрядовъ и обычаевъ церковныхъ во всей ихъ совокупности, какъ того тогда хотѣли многіе на томъ основаніи, что не находили о нихъ свидѣтельства въ писаніи. Но церковь никогда—ни при Никонѣ, ни послѣ него и не отвергала ихъ. Напротивъ, какъ при Никонѣ, такъ и послѣ него, она вмѣстѣ съ Св. Василиемъ и словомъ и дѣломъ проповѣдывала, какъ и проповѣдуетъ, что неписанные церковные обычаи должны вѣчно быть въ силѣ, въ употребленіи, и словомъ и дѣломъ служила, какъ и служить, самой вѣрной хранительницей апостольскаго преданія. Чтоже касается измѣненія обрядовъ и обычаевъ церковныхъ, исправленія ихъ, то Василій Великій не только не говоритъ чего либо противъ этого, но въ томъ же 91 пр. своемъ прямо даетъ разумѣть, что это—право церкви.

Шаровъ намѣренно не остановилъ вашего вниманія на дальнѣйшихъ словахъ 91 пр. Василія Великаго, отсюда это явствуетъ. Послѣ того, какъ св. отецъ сказалъ приведенныя Шаровымъ слова о неотмѣняемости неписанныхъ обычаевъ, онъ приводитъ и нѣкоторые примѣры неотмѣняемыхъ обычаевъ, но при этомъ не описываетъ ихъ подробно. Такъ, считая обычай христіанъ знаменоваться себя образомъ креста преданіемъ апостольскимъ неписаннымъ, который, по указанному основанію, долженствуетъ быть вѣчно въ силѣ и употребленіи, св. отецъ ни единого слова, однакоже, не говоритъ о томъ, какъ должно знаменоваться,—какое по виду должно христіанину изображать на себѣ знаменіе креста: такое-ли, какое мы дѣлаемъ на себѣ нынѣ—большое, или малое, полагаемое отдѣльно на частяхъ тѣла, какое, по свидѣтельству Ефрема Сирина (сл. 102, л. 262 об. Единовѣрч. изд.), Кирилла Іерусал. (Огл. Поуч. 13, 36), и Златоуста (на Мѡ., бесѣд. 54) полагали въ ихъ время. Равнымъ образомъ, ни единого слова не говоритъ и о томъ, какіе, въ какомъ порядкѣ, какимъ способомъ слагать персты для кр. знаменія: тѣ-ли, въ томъ-ли порядкѣ и такъ ли, какъ слагаютъ

наши едновѣрцы и старообрядцы—двуперстно, или такъ, какъ слагаютъ православные, или, наконецъ, такъ, какъ слагали во время Златоуста, по свидѣтельству самого Златоуста (Бесѣд. на Мѣ. 54 ч. II стр. 417 изд. 6-е въ рус. пер.) и Баронія (Лѣт. Госп. 327, стр. 237) единоперстно. Почему же Святой Отець не говоритъ ни о томъ, ни о другомъ? Возможно только одно объясненіе этого. Тѣмъ, что ни на то, ни на другое Св. Отець не сдѣлалъ ни малѣйшаго указанія, онъ ясно далъ понять, что ни то, ни другое апостольскимъ преданіемъ и не поставлялось въ неизмѣнное, что то и другое было передано въ полное распоряженіе церкви, на ея усмотрѣніе. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только понять основную мысль 91 пр., а это не трудно. Св. Отець хочетъ разъяснить, что неписанные обычаи не отмѣняемы, должны вѣчно быть въ силѣ и употребленіи. Основаніе этой ихъ неотмѣняемости указываетъ въ томъ, что если ихъ отвергнуть, значитъ непримѣтно повредить Евангелію въ главныххъ предметахъ, или паче сократить проповѣдь въ единое имя безъ самыя вещи; и далѣе свою мысль поясняетъ примѣрами и, между прочимъ, примѣромъ крестнаго знаменія: то или другое можетъ случиться, если отвергнуть, напр., неписанный обычай знаменоватъ себя образомъ креста. Такимъ образомъ, Св. Отець этотъ обычай объявляетъ не отмѣняемымъ. Но взявши въ примѣръ неотмѣняемости неписанныхъ обычаевъ обычай христіанъ изображать на себѣ крестное знаменіе, онъ долженъ былъ сказать и то, что же именно въ немъ не отмѣняемо (ибо то дѣйствіе, которое онъ собою представляетъ дѣйствіе сложное), въ противномъ случаѣ тѣ, къ руководству кого онъ писалъ, могли почестъ въ немъ за неизмѣнное и то, что на самомъ дѣлѣ подлежало отмѣнѣ или измѣненію. Св. Отець и указываетъ, что въ этомъ обычаѣ не отмѣняемо—это самое начертаніе на себѣ крестнаго знаменія, самый образъ креста, что дѣйствительно и составляетъ существенное въ этомъ обычаѣ. И такъ тѣмъ,

что не уомянуль ни о формѣ или виѣшнемъ видѣ начертанія креста, ни о перстахъ, ни о порядкѣ и способѣ ихъ сложенія, хотя, если бы и эти частности были также неизмѣнны, имѣлъ прямой поводъ и даже долженъ былъ упомянуть о нихъ, ясно показавъ, что всѣ эти частности находятся въ полномъ распоряженіи церкви и виолнѣ зависятъ отъ ея усмотрѣнія, какъ то всегда и было: крестились и единымъ перстомъ, крестились и двумя, крестились и тремя. Но есть и еще подтвержденіе того, что именно такъ смотрѣлъ Св. Отець на обряды и обычаи церковные. Если бы Василій Великій приведенными Шаровымъ словами сказалъ именно ту мысль, какою видитъ въ нихъ Шаровъ, что обряды и обычаи церковные неизмѣнны, то она стояла бы въ явномъ, рѣзкомъ противорѣчій съ его поступками. Какъ извѣстно, онъ измѣнилъ во многомъ литургію Іаковлєву (пролог. 23 окт., л. 242 и об; см. кн. о Вѣр., л. 107) и порицалъ тѣхъ людей—раскольниковъ, которые не хотѣли признать за церковію права на такіа измѣненія (вып. Озерск. ч. I, стр. 266, изд. 4). Но такого противорѣчія не усматривала ни восточная, ни русская церковь.

Итакъ, всѣ приведенныя Шаровымъ мѣста не только не подтверждаютъ его мысли о томъ, что обряды и обычаи церковные неизмѣнны и что какое-бы то ни было измѣненіе въ нихъ такая-же ересь, какъ и извращеніе догматовъ вѣры, но говорятъ даже противъ нея. Но чтобы въ васъ не оставалось и тѣни сомнѣнія какъ относительно правильности данныхъ разъясненій, такъ и того, что церковь по благословнымъ винамъ дѣйствительно имѣетъ право измѣнять обряды и пользуется имъ, я приведу и прямыя свидѣтельства удостовѣряющія въ томъ и другомъ.

а) 15 пр. Неокессарійскаго собора о томъ, что „діакономъ седми быти должно, аще и весьма великъ градъ“, было *отмѣнено* 16 пр. VI Всл. собора (Кормч. л. 182) на томъ основаніи, какъ видно изъ правила и какъ поясняетъ

толкователь, что „недобръ разумѣша того (Неокессарійскаго) собора отцы, еже въ кн. дѣяній апостольскихъ о седми діаконѣ лежащаго словесе“, на которомъ обосновывались въ своемъ постановленіи. А между отцами этого собора, замѣтимъ, былъ, между прочимъ, и священно-мученикъ Василій Амасійскій, память котораго праздн. 26 апр. (Кормч. въ сказан. о соб. л. 17).

б) „Сотвори соборъ Кипріанъ, собравъ изъ Африки и Нумидіи епископовъ 71, на которомъ вси уставша, яко еретическое крещеніе не есть истинное крещеніе и не можетъ въ крещеніе вмѣнитися“ и постановили всякаго еритика крещати (Барон. л. 258-е числ. 3—4, л. 160 и об.), а I Всел. соборъ этому постановленію не слѣдуетъ. 8 и 19 правилами своимъ онъ подраздѣляетъ еретиковъ и соотвѣтственно этому подраздѣленію устанавливаетъ и различный чинопріемъ, давая не малое мѣсто и усмотрѣнію церкви (Кормч. л. 35 и об.,—40 и об. сн. л. 606 и об. и 636).

в) IV Всл. соб. 29 правиломъ строго запрещаетъ за вину низводить епископа на степенъ пресвитера—такое дѣло соборъ называетъ даже святотатствомъ (Кормч. л. 105 и об.; сн. прав. Вел. соб. съ толк. стр. 250—252), а отцы VI Вел. собора 20 своимъ правиломъ, не смотря на это, узаконяютъ: „Епископъ во иномъ градѣ въ народѣ да не учитъ, еще же обрящется, да престанетъ отъ епископства и пресвитерская дѣйствуетъ“. Толкователь по поводу этого правила замѣчаетъ: „назначенъ се, когда епископъ на пресвитерское мѣсто сводится: ибо 29 пр. халкидонскаго собора святотатство отнюдь нарицаетъ, еже епископа на пресвитерскій свести степенъ: и имѣй сіе правило пребольше вселенскаго онаго правила“ (Кормч. л. 184).

Отмѣняла или измѣняла церковь по благословнымъ винамъ и апостольскія обрядовыя установленія и преданія.

г) Кн. Дѣяній апостольскихъ свидѣтельствуетъ, что іерусалимскій апостольскій соборъ постановилъ не требовать

отъ христіанъ изъ язычниковъ того, чтобы обрѣзывались; соборъ свидѣтельствуеть, что это постановленіе состоялось по внушенію Духа Св. „Изволися бо Святому Духу и намъ“ (Дѣян. гл. 15, 28). Позднѣ ап. Павелъ писалъ къ Галатамъ: „аще убо обрѣзуетеся, Христосъ васъ ничтоже пользуетъ“ (5, 2), и еще рѣзче Филипійцамъ: „блюдитесь отъ совѣй, блюдитесь отъ злыхъ дѣлателей, блюдитесь отъ *стѣчєнія*“ (Филип. 3, 2—3); и не смотря на это, самъ же Тимоѳея, эллина по отцу, обрѣзываетъ (Дѣян. 16, 1—4). По поводу этого *отступленія Апостола* отъ постановленія іерусал. апостольскаго собора говорится въ толк. ап.: „Воистинну достойно есть Павлову разуму дивитися: толико спирася о обрѣзаніи, вся подвизавъ и никакоже отступивъ, даже не исправитъ обрѣзанія, своего-же ученика обрѣза, иже инѣмъ возбраняше, се самъ сотвори. Ничтоже есть разумнѣйшее, яко все еже есть, на пользу душевную творити: Юдеехъ ради, рече сущихъ во онихъ мѣстѣхъ: не быша убо терпѣли отъ необрѣзаннаго слово слышати и зри бывшее исправленіе обрѣза Павелъ Тимоѳея, да обрѣзаніе низложитъ“. (Толков. Ап., л. 100 об. и 101 сн. Бесѣд. на 14 Ап. Павла стр. 1496).

д) 1-е пр. Петра и Павла, повелѣвающее праздновать субботу (Кормч. л. 27.), было отмѣнено Лаодикійскимъ соборомъ. Послѣдній этотъ обычай называетъ жидовствомъ и на послѣдующихъ ему послѣ отмѣны его изрекаетъ анаѳемѣ отъ Христа (Прав. пом. соб. съ толк., правило 29, стр. 240; см. Кормч. л. 78 и об.). А св. Златоустъ свидѣтельствуеть, что въ его время были „мнози тойжде со іудеями постящєся день и равно субботы хранящїи“, и что церковь вопреки постановленію Лаодикійскаго собора, снисходя ихъ немощи, „терпѣла доблественно“ (Бесѣд. на 14 ап. Павла, стр. 1476; см. 1507.).

е) Какъ было уже сказано, Малоазійскія церкви праздновали пасху въ 14 день перваго весенняго луннаго мѣ-

сяца (Нисана), т. е. одновременно съ іудеями. Этотъ обычай, какъ свидѣтельствуяютъ историки (Ц. Ист. Евс. кн. 5, гл. 24, Барон., ч. I. лѣто 198, стр. 120, сн. кн. о Вѣрѣ л. 199 и об.), былъ преданъ апостолами Іоанномъ Богосл. и Филиппомъ, этому обычаю слѣдовалъ св. Поликарпъ Смирнскій (Барон., лѣто 167-е. числ. 2, ст. 106 об.); и однакоже I Всел. соборъ этотъ преданный апостолами Іоанномъ и Филиппомъ обычай измѣнилъ (Кормч. сказаніе о 7 Всел. соб. л. 6 об., сн. Антиох., 1-е правило по правил. пом. соб. съ толков., стр. 139—140). И церковь вполнѣ одобряла и подтверждала это новое установленіе. Всѣхъ тѣхъ, кто сталъ бы слѣдовать отмѣненному апостольскому обычаю, Антиох. соб. правиломъ 1-мъ—мірянъ отлучаетъ, а елириковъ извергаетъ (Кормч. л. 63), а Лаод. соборъ державшихся отмѣненнаго обычая праздновать пасху въ 14 день Нисана и поставлявшихъ отмѣну этого обычая въ вину церкви въ 7 своемъ пр. называетъ прямо еретиками.

Мало того, церковь признала не только тѣ обряды и обычаи, которые были преданы апостолами, но и тѣ, которые имѣли основаніе прямо на строкѣ Евангелія.

ж) Какъ извѣстно, Іисусъ Христосъ совершилъ таинство причащенія по вечерамъ. Этотъ обычай держался въ церкви до времени Карѣ. соб. Но этотъ послѣдній своими 41 и 47 правилами этотъ обычай отмѣнилъ, сдѣлавъ исключеніе только для В. четвертка. „Св. таинство олтаря да совершается людьми не ядшими. Исключается изъ сего единый въ году день, въ который вечера Господня совершается“ (Прв. пом. соб. стр. 500). По словамъ Кормч.: „аще не алченъ кто, святыхъ да не принесеть“.—Толков.: „аще убо и Господь нашъ по вечерамъ ученикомъ пасху предалъ есть и тайный службѣ научи я, но по благословному гласу не подобаетъ намъ еже не о насъ указаніемъ подобитися, но церкви подобаетъ намъ иже о насъ указаніемъ подобитися и церковнымъ обычаемъ послѣдовати, алчнымъ сущимъ, рекше не ядшимъ“

іереомъ предстати олтаревѣ и принести святая, сирѣчь святую службу совершити, и хотящимъ причащаться Св. даровъ, тако-же иже не ядшимъ быти (л. 134). Тоже самое и въ толкованіи на 47 пр. читается (л. 136). Отцы VI Всл. собора не только не осудили отцовъ Карѣ. соб. за отмѣну означеннаго обычая, но еще подтвердили его; мало того, отмѣнили даже и то исключеніе, какое было сдѣлано отцами Карѣ. собора въ пользу этого обычая для В. Четверга. Вотъ ихъ слова: „правило отецъ Карѣ. соб. повелѣваетъ, дабы священнодѣйствіе олтаря совершаемо было не иначе, развѣ людьми не ядшими, кромѣ одинаго въ году дня, въ который вечера Господня совершается. Св. Отцы оные можетъ быть по нѣкоторымъ мѣстнымъ причинамъ, полезнымъ для церкви, учинили такое распоряженіе. А понеже насъ ничто не побуждаетъ оставить благоговѣйную строгость: то послѣдуя апостольскимъ и отеческимъ преданіямъ, опредѣляемъ, яко не подобаетъ въ четырехдесятницу, въ четвертокъ послѣднія седмицы разрѣшати пощеніе и тѣмъ всю четырехдесятницу безчестовати“. (Пр. Всл. соб. съ толк., стр. 371—372; пр. 29 VI Всл. соб.).

з) Совершивши т. Евхаристіи на тайной вечери, Господь заповѣдалъ ученикамъ своимъ: *сіе творите въ Мое воспоминаніе* (Лук. 22, 19—20). И, хотя въ Евангеліи не содержится указанія на то, что Христосъ преподалъ имъ вмѣстѣ съ тѣмъ и чинъ совершенія ея, но въ прологѣ мы находимъ свидѣтельство, что этотъ чинъ былъ преподанъ самимъ Христомъ ап. Іакову (Братъ Господень). А между тѣмъ какъ видно изъ того же пролога, этотъ преподанный Христомъ чинъ литургіи измѣнилъ сначала Василій Великій, а потомъ и Златоустъ. Вотъ свидѣтельство объ этомъ. „Св. Іаковъ, первый епископъ во Іерусалимѣ былъ, самимъ Христомъ освященъ, и той первую литургію написа и низложи, сими Христомъ о ней наученъ, иже кратчайшую потомъ великій Василій сотвори, и по сихъ божественный Златоустъ

человѣческія ради немощи“. (Пролог. 23 окт. на память Іакова Брата Господня л. 242 и об.). Свидѣтельствуеъ кратко о томъ же и кн. о Вѣрѣ. Здѣсь говорится: Іаковъ первый епископъ Іерусалимскій отъ Христа научився литургію написа и предаде церкви... Сею св. апостола литургію божественный Василій Великій елико къ вѣрѣ чиновѣ дѣлу принявъ, въ словесѣхъ точію сократи, юже божественный Іоаннъ Златоустый воспріемъ, молитвы за усопшихъ на нѣконхъ мѣстѣхъ расположи“. (л. 107). Объ измѣненіи въ чинѣ литургіи свидѣтельствуеъ и толкователь на 19 пр. Лаод. соб. Это послѣднее устанавливаетъ извѣстный порядокъ молитвъ и дѣйствій, относящихся къ оглашеннымъ и кающимся. Изяснивши этотъ порядокъ, толкователь замѣчаетъ: *“нынѣ не бываетъ того, что относится къ кающимся, и я не знаю, какимъ образомъ это прекратилось“*. (Пр. пом. соб. стр. 230), а по староп. кормч.: *«упразднилося, яко и иная многая, творимая прежде (л. 77).*

п) Въ частности, Христось Тѣло и Кровь свою преподавалъ ученикамъ своимъ раздѣльно: тѣло Христово они принимали прямо въ руки, Кровь Христову пили прямо изъ чаши, на что указываютъ и самыя выраженія—*„примите ядите“, „пійте отъ нея вси“* (способъ, употребляемый нынѣ только священнослужителями). Способъ этотъ обыченъ былъ и для мірянъ и существовалъ по мѣстамъ до VI Всел. собора. А VI Всел. соборъ по нѣкоторымъ причинамъ этотъ способъ замѣнилъ другимъ—способомъ преподавать тѣло и кровь Христову совместно и чрезъ лжицу, каковой и принять былъ послѣ того повсюду въ православной церкви.

Вмѣсто другихъ многихъ примѣровъ, которые можно было бы привести въ доказательство той мысли, что церковныи имѣетъ право отмѣнять или измѣнять обряды и пользуется имъ, когда то находитъ нужнымъ, приведу слѣдующія слова изъ толкованія на 11 пр. Лаод. собора: *„Вяху въ древнихъ нѣции обычаи, въ церквахъ бываеміи, отъ нихъ же*

убо временемъ *ови забвени быша* (въ полн. прав. съ толков. „съ теченіемъ времени измѣнились“, прав. пом. соб. стр. 220) *иши же отнюдѣ престаша, другія же правила отъскоша* (староп. кормч. л. 74 об.)

Епархіальный миссіонеръ; священникъ Н. Архангельскій.

(Продолженіе будетъ).

Ш Т У Н Д А.

Относительно штунды у насъ, какъ извѣстно, существуютъ чрезвычайно противорѣчивые взгляды, и хотя въ настоящее время уже окончательно опредѣленъ многочисленными изслѣдованіями какъ характеръ, такъ и источники распространенія этого противоправославнаго и антигосударственнаго лжеученія, — либеральная клика наша и до сихъ поръ еще отрицаетъ связь штунды съ нѣмецкою колонизаціей, доказывая, что нѣмцы совершенно непричастны къ распространенію этой ереси, которая явилась не вслѣдствіе иноземной пропаганды, а якобы вслѣдствіе неудовлетворительности нашего соціального строя. При этомъ выставляется, что штундистское лжеученіе не носитъ въ себѣ никакихъ политическихъ слѣдовъ и что оно составляетъ не болѣе какъ секту, расколь, вытекшій изъ самаго же православія (sic) и что поэтому характеръ его исключительно религіозный. Всѣ симпатіи гг. вашихъ либераловъ и изъ многочисленныхъ печатныхъ органовъ, конечно, на сторонѣ штундистовъ и всѣ усилія ихъ направлены къ распространенію этого зловреднаго лжеученія. Оно имѣетъ противогосударственный характеръ, оно сѣетъ смуту среди темныхъ народныхъ массъ, — и этого вполне достаточно для того, чтобы лжеученіе это пользовалось особеннымъ благорасположеніемъ либеральной клики, девизомъ которой непремѣнно служить — „чѣмъ хуже, тѣмъ лучше“. И она не только благорасположена къ штундистской ереси, которая не только пользуется покровительствомъ нашихъ либераловъ, но послѣдніе выступаютъ даже пропагандистами ея!...